

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

О ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ НЕКОТОРЫХ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Кодификация словесного ударения, основанная на научно-объективных принципах, предполагает изучение не только активных тенденций изменения ударения, но и причин, их обусловивших. Известно, что литературные нормы (правила) далеко не всегда совпадают с узусом (распространенными и даже общепринятыми формами выражения). История, однако, свидетельствует о том, что в целом изменение норм, особенно не поддержанных письменной традицией, происходит все же в русле общего направления языковой эволюции. Поэтому перспективная норма может быть установлена лишь в результате функционально-динамического исследования ее вариантов, причин их возникновения и условий взаимодействия.

Для современного русского языка проблема стоит особенно остро в связи с развивающейся нормализаторской работой и закономерным сосредоточением внимания на внутрисистемных языковых отношениях. Роль диалектного влияния на акцентологические процессы в современном литературном языке становится незначительной. Воздействие других факторов внешнего порядка (многоконтактность при заимствованиях, влияние «модного» иностранного языка и т. п.) также идет на убыль. Не является сейчас решающей причиной изменения ударения и социальная стратификация акцентных вариантов. Мобильность современного общества исключает жесткую закрепленность акцентных вариантов (немногочисленные и банальные примеры, вроде *компас*, *двббьча*, *рудник*, *атбжмый* и т. п., не меняют положения дела; кроме того, за социальную приуроченность акцентного варианта нередко принимают преимущественную сферу применения слова-понятия)¹.

Наиболее существенным для акцентологических перемещений и возникновения вариантности ударения в современном языке представляется воздействие внутрисистемных факторов, главным образом морфологического и словообразовательного характера. Акцентное варьирование сейчас чаще всего порождается столкновением противостоящих притягательных аналогий. Например: вариант *вйхрйтсья* поддерживается словообразовательными ассоциациями (баритонированная производящая основа), а вариант *вйхрйтсья* подкрепляется формально-структурной аналогией (большинство инфинитивов на *-йтсья* имеет ударение на тематическом гласном; ср.: *кружйтсья*, *крутйтсья*, *носйтсья*, *змейтсья* и т. п.; аналогично изменялось ударение: *йскрйтсья* > *йскрйтсья*). При этом в сложное взаимодействие словообразовательных и формально-структурных отношений выдвигаются факторы фонетического порядка, которые, хотя и

¹ Нерелевантность многих социальных признаков при распределении акцентных вариантов убедительно демонстрируется в социодиагностическом исследовании «Русский язык по данным массового обследования» (М., 1974).

не являются решающими, тем не менее не могут быть вовсе сброшены со счетов при анализе акцентологических изменений.

Словесное ударение, будучи не только языковым (информативно и фонологически значимым), но и физиолого-акустическим явлением, по логике вещей связано с фонетикой, с фонетическими характеристиками слогов и слоговым строением слова как элемента речевого потока. Уже из этого следует предположение, что и в современном русском языке акцентологические изменения (и акцентная вариантность) могут иметь фонетические предпосылки.

Фонетическая природа многих акцентных передвижений в общеславянском и древнерусском языке общепризнана и разработана во многих исследованиях. Что же касается современного языка, то всякая фонетическая зависимость места ударения в слове чаще всего категорически отрицается. Например, в Академической грамматике 1953 г. говорится: «Поскольку словесное ударение характеризует слово, в фонетике никаких правил относительно его места установить невозможно; это относится к области морфологии и словаря»². При морфонологическом подходе слоговое членение слова становится несущественным, внимание концентрируется лишь на связи ударения и морфемы. Не случайно поэтому в Академической грамматике 1970 г. сказано: «На какой слог от начала или конца слова падает ударение, — неважно... Важно то, на какую морфему падает ударение»³.

Не отрицая целесообразности такой позиции для систематизации ударения в словоформах, следует признать и ее недостаточность. Полное подчинение акцентологии грамматике, абсолютизация идей Е. Куриловича и П. Гарда⁴ о рассмотрении ударения только в связи с морфемой (слоговое расстояние не имеет значения) грешат, на наш взгляд, некоторой односторонностью. Многие колебания ударения в лексемах и даже в словоформах не поддаются морфонологической интерпретации. Морфонологический подход (работы А. А. Зализняка, В. А. Редькина, Н. А. Матвеевой и др.) исключает синтагматический аспект рассмотрения ударения, утверждая тем самым полную независимость словесного ударения от строения речевого такта, от ритмической организации естественной речи. Такая позиция допустима лишь при синхронном рассмотрении объекта. Динамический же подход, опирающийся в известной мере на общепризнанный тезис о том, что языковые изменения начинаются в речи, т. е. во фразе, неизбежно предполагает выход за пределы морфонологического анализа.

Мысли о синтагматической зависимости акцентуационных характеристик русского слова в поэтических жанрах высказывались неоднократно, начиная с «Опыта о русском стихосложении» А. Х. Востокова (1817). Постепенно представления о ритмической организованности (динамической гармонии) в поэзии и устном народном творчестве⁵ были перенесены на другие сферы речевой деятельности. И хотя ритмическое строение нестихотворной речи изучено еще далеко не достаточно, большинство современных исследователей в принципе склонно считать ритмически организованной не только художественную прозу, но и научно-техническую литературу, газетные тексты, а также обиходно-разговорную речь.

² «Грамматика русского языка», I, М., 1953, стр. 89.

³ «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 425—426.

⁴ Е. Курилович, Система русского ударения, в кн.: «Очерки по лингвистике», М., 1962; P. Gardé, Pour une théorie de l'accentuation russe, «Slavia», XXXIV, 1965, стр. 4; ег о же, Accentuation et morphologie, «La linguistique», 1965, 2.

⁵ Обзор работ см. в кн.: М. П. Штокмар, Исследования в области русского народного стихосложения, М., 1952.

Возможность изменения фонетической длины слова и места ударения в контексте (например, при энклизе или проклизе) всегда учитывалась в акцентологических исследованиях. Однако сейчас вопрос о синтагматической зависимости места ударения ставится шире и не только в контекстуальном, но и в генетическом плане. Так, например, В. В. Колесов, исследуя ударение кратких прилагательных в адъективных сочетаниях, подчеркивает важность предположения Н. Ван-Вейка и В. М. Иллича-Святича о том, что «акцентуационная характеристика слова может измениться первоначально только синтагматически, т. е. в словосочетании, и лишь впоследствии обобщается в акцентной парадигме конкретного слова»⁶.

Хотя гипотеза о синтагматической зависимости места ударения в генетическом плане применительно к языку XIX—XX вв. и является несколько рискованной, ее общий смысл, представленный не в виде жестких правил, а некоторых закономерностей, или, скорее, тенденций, не лишен оснований и подтверждается конкретным языковым материалом.

В качестве исходных посылок последующего рассмотрения принимаются следующие положения:

1. Всякая русская речь, т. е. и нестихотворная, ритмически организована. Ритм «естественной прозы» опирается на общие закономерности звучащей речи. Основу первичного ритма составляет речевой такт, или синтагма, в щербовском понимании этого термина⁷.

2. В пределах речевого такта междуударный интервал, т. е. интервал между ударениями в соседних словах, чаще всего равен двум-трем слогам, реже наблюдаются интервал в один слог, отсутствие интервала и интервал, равный четырем слогам. Последний может быть назван критическим интервалом. Это подтверждается экспериментами Е. Г. Кагарова⁸, А. М. Пешковского, А. Н. Гвоздева, исследованиями Н. В. Черемисиной, произведшей статистический анализ 40 тысяч ритмических фигур, Г. Н. Ивановой-Лукьяновой и нашими собственными наблюдениями над различными текстами нестихотворной речи⁹. Сущность ритмической упорядоченности естественной речи и состоит главным образом в том, что она избегает как слишком больших междуударных интервалов, так и отсутствия интервала.

3. Свобода русского ударения — понятие относительное. Еще Л. Л. Васильев отмечал, что в многосложных словах «ударение, как бы боясь нарушить равновесие слова, чуждается конечных слогов и стре-

⁶ В. В. Колесов, Интонация и ударение в древнерусском словосочетании (адъективные словосочетания в произведениях русского былинного эпоса), «Уч. зап. ЛГУ», Серия филол. наук, 77, 1973, стр. 117.

⁷ Л. В. Щербов, Фонетика французского языка, Л., 1937, стр. 80—81; ср. также: А. Н. Гвоздев, О фонологических средствах русского языка, М.—Л., 1949, стр. 110—117.

⁸ Е. Г. Кагаров, впервые применивший методику исследования ритмического строя немецкого языка к русскому, пришел к следующим выводам: 1) наиболее частым интервалом является промежуток в два неударяемых слога; 2) среднее количество неударяемых слогов между соседними ударяемыми колеблется между 2,57 и 2,03 (см.: Е. Г. Кагаров, О ритме русской прозаической речи. «Докл. АН СССР», В, 1928, 2, стр. 51).

⁹ При расстановке ударений в текстах односложные служебные слова, сложные предлоги и предлоги с беглым гласным *о* (*надо, обо* и т. п.), а также односложные местоимения считались безударными (т. е. энклитиками или проклитиками), за исключением тех случаев, когда местоимение оказывалось в соседстве с другим безударным словом. Опора на позиционную зависимость ударения у динамически неустойчивых слов привела бы в этом случае к логическому кругу: определение интервалов оказалось бы обусловленным заранее заданным ритмом.

мится занять средний слог»¹⁰. В ряде современных исследований подчеркивается, что в основной ритмический фонд входят слова, которые «не имеют более трех неударяемых слогов подряд» (И. Н. Голенищев-Кутузов), что русское ударение статистически (на основе анализа текстов и словарей) концентрируется на среднем слоге или на срединных слогах (В. А. Никопов, А. И. Моисеев), что «ударение в русском языке тяготеет к центру слова» («Русская разговорная речь») ¹¹. С этими высказываниями в целом согласуются данные «Обратного словаря русского языка» (М., 1974): в большинстве слов русского языка ударение падает на второй или третий слоги от конца слова (таких слов 82 331); если при этом принять во внимание, что основной массив слов русского языка (90 119 из 121 532) составляют трех-, четырех- и пятисложные слова, то можно сделать вывод, что ударение в исходных (словарных) формах концентрируется не на «боковых», а на срединных слогах.

4. Исходя из показаний «Обратного словаря», средняя длина русского слова равна 3,79 слога. Как известно, средняя слоговая длина слова в речи не превышает трех слогов ¹². Средняя длина общепотребительных слов, имеющих акцентные варианты, равна, по моим подсчетам, — 3,07 слога. Принимая во внимание эти цифры и общий характер распределения акцента (ближе к середине слова, не на «флангах»), мы приходим к выводу, что интервал между ударениями в соседних словах теоретически не должен превышать четырех слогов (т. е. критического интервала), что в целом и соответствует экспериментальным исследованиям Е. Г. Кагарова, Н. В. Черемисиной и моим наблюдениям.

Сказанное выше подводит нас к общему выводу: ограниченность междуударного интервала в речевом такте и общая центростремительная направленность русского ударения могут постепенно воздействовать на акцентологические характеристики многосложных слов. При наличии у многосложного слова ударения на боковом слоге и трех (или более) безударных слогов подряд возникает тенденция к ритмическому у рав н о в е с и ю (стремление переместить ударение ближе к центру слова), что обеспечивает соблюдение среднестатистической нормы междуударного интервала и сохранение общей ритмической упорядоченности. Сама тенденция к ритмическому равновесию, видимо, не является непосредственной причиной перемещения ударения, но она служит предпосылкой, обстоятельством, способствующим изменению акцентных характеристик слова при наличии других побудительных факторов (структурно-акцентологическое уподобление, влияние продуктивной иноязычной модели и т. п.) ¹³.

¹⁰ Л. Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков, «Сборник по русскому языку и словесности», I, вып. 3, Л., 1929, стр. 143.

¹¹ И. Н. Голенищев-Кутузов, Словаобраз в русском стихосложении, ВЯ, 1959, 4, стр. 25; В. А. Никопов, Место ударения в русском слове, «International Journal of Slavic linguistics and poetics», VI, 1963, стр. 4—5; А. И. Моисеев, К различению длинных и коротких слов в современном русском языке (В связи с местом словесного ударения), «Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению» (Материалы межвузовской научно-методической конференции), М., 1973, стр. 143—145; сб. «Русская разговорная речь», М., 1973, стр. 97.

¹² 2,8 слога — по данным М. П. Штокмара («Исследования в области русского народного стихосложения», М., 1952) и Б. П. Гончарова («Звуковая организация стиха и проблемы рифмы», М., 1973); 2,9 слога — по данным авторов монографии «Русская разговорная речь».

¹³ Несколько иначе объясняя историческое стремление ударения занять средний слог Л. Л. Васильев («О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков», стр. 144).

Некоторые примеры. Рецессивный сдвиг ударения у пяти-шестисложных глаголов на *-ировать* (в XIX в.: *абонировать*, *аккомпанировать*, *баллотировать* и т. п., в современном языке: *абонировать*, *аккомпанировать*, *баллотировать* и т. п.) объясняется иногда вторичным влиянием немецких глаголов с суффиксом *-ieren*. Примечательно, однако, что многие четырехсложные глаголы, заимствованные непосредственно из немецкого языка (*группировать*, *маршировать* и др.), не испытывают стремления к переносу ударения к центру слова; это свидетельствует о том, что влияние языка-источника не является здесь решающим. Если же учитывать тенденцию к ритмическому равновесию, то изменение ударения у глаголов на *-ировать* — это коммуникативно оправданное явление с точки зрения внутренней системы русского языка. Например, междуударный интервал из шести слогов в речевом такте *будет аккомпанировать* значительно превышает норму, т. е. ритмически неудобен. При новом, оттянутом ударении (*аккомпанировать*) междуударный интервал уменьшается на два слога и становится ритмически допустимым.

Судя по словарям и стихотворным текстам XVIII—XIX вв., прилагательные *прадедовский*, *общественный*, *тайственный*, *счастливый* и др. имели тогда ударение на начальном слоге: *прадедовский*, *общественный*, *тайственный*, *счастливый*. Слоговое расстояние между словесными ударениями во многих атрибутивных сочетаниях (*прадедовское наследство*, *общественное воспитание* и т. п.) превышало при этом критический интервал. Ср. вариантность в современном языке: *августовская жара* и *августовская жара*¹⁴. Акцентное уподобление по формально-грамматическим признакам (*августовский*, как *литовский*, *толстовский*, *чертовский*), отодвигая на второй план словообразовательные отношения (несмотря на баритонезу производящей основы), поддерживается тенденцией к ритмическому равновесию, возникающей у четырехсложных прилагательных с исконным ударением на начальном слоге¹⁵.

В этом отношении особенно показательны прилагательные с суффиксом *-ист*. У одних четырехсложных прилагательных ударение уже сместилось с начального слога (*бархатистый* > *бархатистый*, *каменистый* > *каменистый*), у других — наблюдается акцентное колебание (*мышкустый* и *мышкуистый*, *сахаристый* и *сахаристый*, *фосфористый* и *фосфористый*). Предположение о том, что в этих случаях сказалось влияние только морфологической аналогии, не подтверждается при рассмотрении всей группы прилагательных на *-ист(ый)*. Действительно, ударение на суффиксе здесь весьма продуктивно: 149 прилагательных из 428, т. е. почти 1/3. Примечательно, однако, что четырехсложные прилагательные, имеющие ударение на втором, а не на первом от начала слова слоге (*атласистый*, *болотистый*, *закатистый*, *краснелистый*, *лопатистый*, *навбристый*, *обрывистый*, *порбдистый*, *разбнистый*, *сосудистый*, *туманистый*, *ухватистый*, *фасонистый* и др., всего — 147 прилагательных), не обнаруживают стремления к перемещению ударения на суффикс *-ист*. Между тем, некоторые из них образованы от окситонированных имен (*ковбалистый*, *путьристый*, *путьристый*) и поэтому имеют, казалось бы, больше оснований к перемещению ударения, чем прилагательные *бархатистый*, *мышкуистый* и др., восходящие к баритонированным основам, но попавшие под воздействие тенденции к ритмическому равновесию.

¹⁴ Ударение *августовский* широко представлено у современных поэтов: Твардовского, Алягера, Авраменко, Регистана, Фирсова, Куяева и др. Например: «За тысячу верст В стороне приднепровской — Нежаркое; солнце Поры августовской» (Твардовский, За тысячу верст).

¹⁵ Судя по данным «Обратного словаря русского языка», только около 4% четырехсложных прилагательных имеют сейчас ударение на начальном слоге.

Тенденция к ритмическому равновесию способствовала центростремительному перемещению ударения у таких, например, четырехсложных существительных: *наковальня* > *наковáльня*, *жеребёвщик* > *жеребёвщи́к*, *перекупщик* > *переку́пщик*¹⁶. Эта тенденция отчетливо дает о себе знать в сложениях, например: *швей*, но *золотошвейá*; *договор*, но *соудбóговор*; *зубчатый*, но *мелкозубчáтый*; *характерный* (в значении «своеобразный, типичный»), но *разнóхарактерный*; *развитый* (прилагательное), но *малорáзвитый*, *слаборáзвитый*, *высокорáзвитый*.

Стремление ударения к центру слова наблюдается у многих приставочных глаголов и причастий. В живой речи и современной поэзии широко представлено «незаконное» (с точки зрения современных нормативных справочников), но вполне закономерное в рассматриваемом плане накоренное ударение у глаголов с двуслоговой приставкой в прошедшем времени в форме женского рода. Например: *оборвáла* (Симонов, Городецкий), *оторвáла* (Антокольский, Кулешов), *разорвáла* (в XIX в.: Пушкин, Полежаев, Гнедич, Языков; в XX в.: Багрицкий, Шагинян, Грибачев, Прокофьев, Гусев, Васильева). Нормативные справочники и словари ударений категорически запрещают накоренное ударение в указанных формах; как исключение в семнадцатитомном академическом словаре: *оборвáла* с пометой «разг.», *надорвáла* с пометой «простореч.». Думается, что при нормативной характеристике отянутого ударения должна учитываться принципиальная разница между коммуникативно не оправданным накоренным ударением в двухсложной форме глагола *рвáла* (влияние южновеликорусских говоров) и в четырехсложной — *оборвáла*, *разорвáла*, где, как и у кратких причастий (*переизбранá* и *переизбрама*, *переизданá* и *переиздана*), оказывает воздействие тенденция к ритмическому равновесию¹⁷.

Тенденция к ритмическому равновесию может, естественно, не только стимулировать перемещение ударения у многосложных слов при акцентно-структурном уподоблении или выравниванию по аналогии (например, *проданá* и *прбдана*, но обычно *перепрбдана*), но и тормозить этот процесс, консервировать традиционное ударение. Ср., например, сохранение накоренного акцента у четырех-пятисложных глаголов (*осведóмить*, *предуведóмить*, *опорбжнить* и др.) при наличии общего прогрессивного развития ударения в инфинитивах на *-ить* (*удить* > *удить*, *умáлить* > *умалить*, *пристрóунить* > *приструнит* и т. п.).

Действие тенденции к ритмическому равновесию, изменяющей акцентологические характеристики или, точнее, способствующей их изменению, распространяется главным образом на четырех-пятисложные слова. При большем количестве слогов сокращение междуударных интервалов в речевых тактах достигается не перемещением ударения к центру слова, а появлением побочного (второстепенного) ударения¹⁸; ср.: *незакóннорождённый*, *переснаряжённый*. Побочное ударение, играющее роль уравнивающего фактора, свойственно преимущественно книжной, терминологической

¹⁶ Еще Я. К. Грот отметил, что в словах, имеющих более трех слогов, суффиксы *-щик*, *-чик* не принимают ударения и передают его предыдущему слогу (Я. К. Г р о т, О русском ударении вообще и об ударении имен существительных, «Филологические разыскания», II, СПб., 1899, стр. 305). По данным «Обратного словаря» из 359 существительных с суффиксом *-щик* ударение на последнем слоге имеют 63 трехсложных слова (*гробовщик*, *кладовщик*, *часовщик* и т. п.) и только два устаревших четырехсложных слова: *запродащик*, *передовщик*.

¹⁷ С этой точки зрения семасиологические теории (Н. К. Пирогова и др.), согласно которым передвижение ударения у глаголов на корень обусловлено смысловыми факторами, представляются во многих случаях спорными.

¹⁸ В 1956 г. Р. И. Аванесов писал, что «вопрос о побочном, втором ударении совершенно не изучен» («Фонетика современного русского литературного языка», М., 1956, стр. 84). Эта оценка полностью применима к нашему времени (см.: Р. И. А в а н е с о в, Русская литературная и диалектная фонетика, М., 1974, стр. 108).

гической лексики (например, *кинematографія, йдиосинкразія*) и чаще возникает при замедленном темпе речи. Освоение многосложных (составных) слов нередко приводит к утрате побочного ударения и фонетически обусловленному смещению основного ударения ближе к центру слова. Например: *килограммометр* > *килограммметр*, *флюорографія* > *флюорографія*, *четырёхвесельный* > *четырёхвёсельный*. Если с этой точки зрения рассмотреть неологизмы *околозёмный* и *околоземный* (впервые приведены в словаре-справочнике «Новые слова и значения», М., 1971 как равноценные варианты), то более перспективным следует признать вариант с оттянутым к центру ударением — *околозёмный*. Примечательно, что в зафиксированных в словаре контекстах выбор варианта соответствует соблюдению средней нормы междуударного интервала в речевом такте: *околозёмный космос*, но *околоземный аппарат*.

Как уже отмечалось, тенденция к ритмическому равновесию взаимодействует обычно с другими побудительными факторами акцентологических изменений¹⁹. И хотя связанное с ритмом перемещение ударения ближе к центру слова происходит не строго регулярно, а лексикализовано, все же для некоторых групп слов существует, видимо, не только морфологическая предсказуемость места ударения (см. работы П. Гарда), но и фонетическая. Так, есть основания предполагать, что у новых, не поддерживаемых традицией четырехсложных прилагательных ударение на первом слоге окажется неустойчивым (например, *мальчиковый*) и будет стремиться перейти на один из срединных слогов (*мальчикový* — именно это ударение признано однозначной нормой в последнем издании «Орфографического словаря русского языка», М., 1974). Неустойчивость начального ударения в этих случаях вызвана, во-первых, длиной слова (в косвенных падежах такое четырехсложное прилагательное имеет четыре несударных слога подряд) и, во-вторых, превышением критического междуударного интервала в речевом такте (при среднестатистическом определяемом $\cup \cup \cup$ междуударный интервал становится равным пяти слогам); ср. *мальчикового размера* > *мальчикового размера*.

*

Если первая фонетическая предпосылка акцентологических изменений основывается на количественных показателях (слоговая длина слова и число слогов в междуударном интервале), то вторая заключается в качестве, точнее в позиции слога. Позиционные особенности слогов нельзя при этом рассматривать как непосредственную причину акцентологических сдвигов. Они лишь стимулируют фонологически оправданное изменение места ударения, что наблюдается, например, при тенденции к флексийной акцентуации и устранении нежелательной редукции гласного в грамматически значимой позиции.

В качестве исходных посылок последующего рассмотрения акцентных изменений принимаются следующие положения:

1. Качественной редукции подвергаются как гласные нижнего и сред-

¹⁹ Закономерен вопрос: почему акцентологические изменения, связанные с действием тенденции к ритмическому равновесию, произошли не сразу, а в сравнительно поздний период? Дело в том, что первичная ритмическая упорядоченность речи связана не только с физиологией дыхания, но и с особенностями синтаксического строя языка определенной эпохи. Уже нарушение обычного порядка слов (например, постпозиция определяющего, характерная в прошлом для русского языка) приводит к иному ритмическому строению, в частности к изменению междуударных интервалов в речевых тактах.

него подъема, так и гласные верхнего подъема и не только в говорах, но и в разговорной речи носителей литературного языка ²⁰.

2. Качественной редукции подвергаются гласные, входящие как в основу слова, так и во флексию. При этом признается, что, во-первых, положение гласного после сонорного ухудшает опознаваемость гласного и что, во-вторых, хуже всего опознается слог с заударным *a* после мягких согласных ²¹.

Учет этих характеристик заударных флексий позволяет иначе подойти к объяснению некоторых акцентологических изменений. Например, происходящее перемещение ударения *пѣтля* > *петля* ²² расценивается обычно как результат влияния южновеликорусских говоров или украинского и белорусского языков ²³. Кроме этого слова, в последние десятилетия развили окончное ударение и некоторые другие существительные женского рода с мягким сонорным звуком в конце основы: *лыжня* > *лыжня*, *пешня* > *пешня*, *ровня* > *ровня*. Естественно, что прогрессивное развитие ударения у этих слов не может рассматриваться вне общего исторического перехода многих имен женского рода в подвижные (продуктивные) акцентные парадигмы; например: *губа* > *губа*, *нужда* > *нужда*, *плита* > *плита* и т. п. Важно, однако, подчеркнуть, что в рассматриваемых случаях (*петля*, *лыжня* и т. д.) перемещение ударения полезно, оправдано с фонетической точки зрения, так как устраняет нежелательную редукцию гласного в грамматически значимой позиции, ср.: *пѣтля*, *пѣтали*, *пѣтле* и т. д. — после мягких сонорных заударные гласные имеют низкую опознаваемость. Кроме того, новое, окончное ударение (*петля*, *петля*, *петле* и т. д.) создает четкую грамматическую оппозицию форм ед. и мн. числа; при этом редукция заударного гласного во мн. числе нейтрализуется увеличенным фонемным составом флексий: *пѣтля*, *пѣтлями*, *пѣтлях*. Таким образом, перемещение ударения (*пѣтля* > *петля*) полезно, целесообразно и в грамматическом смысле.

Не отрицая возможности внешнего воздействия (южновеликорусские говоры, украинский и белорусский языки) в качестве исходного импульса (*пѣтля* > *петля*), следует учитывать, что акт принятия новообразований, как правило, поддерживается их коммуникативной пригодностью (в данном случае преодоление фонетически слабых, но грамматически значимых позиций гласных) и наличием внутрисистемных аналогий; для окончного ударения *лыжня*, *пешня*, *ровня* имелись аналогии: *родня*, *мазня*, *возня*, *брежня*, *мотня*, *вашиня* и др.

Подобное явление наблюдается и у односложных и двусложных существительных мужского рода с твердой и в особенности с мягкой основой (*мост*, *груздь*, *уголь*, *локоть*, *стебель* и т. д.). Перемещение ударения на флексию в формах ед. числа и закрепление окситонированной (*мост*, -á --

²⁰ См.: «Русская разговорная речь», М., 1973, стр. 61—62; Л. Л. К а с а т к и н, Новая ступень в развитии системы гласных русского языка, сб. «Развитие фонетики современного русского языка», М., 1971.

²¹ См.: Л. В. Б о н д а р к о, Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем. АДД, Л., 1969; Л. В. Б о н д а р к о, Л. А. В е р б и ц к а я, О фонетических характеристиках заударных флексий в современном русском языке, ВЯ, 1973, 1.

²² Вариант *петля* зафиксирован у Багрицкого, Безыменского, Маршак, Заболоцкого, Светлова, Суркова, Исаковского, Алигер, Кирсанова, Кустова, Дудина, Бергогольц, Васильевой, Городецкого, Горбовского, Казаковой, Мартынова, Брауна, Ахмадулиной, Цыбина, Доризо. Данные анкетирования (ЛГУ, 1974) в контексте «Затянутая петля»: *петля* — 206, *пѣтля* — 41; в контексте «Петля Нестерова»: *петля* — 214, *пѣтля* — 25. Словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты нормы русского литературного языка» (Л., 1973) признает ударение *петля* допустимым вариантом нормы.

²³ Г. А. Ш е л у г о, Русское ударение, I, Ужгород, 1962, стр. 59.

мости, -бе) или подвижно-окситонированной (*грудь, -я — груди, -ей*) акцентной парадигмы фонологически оправдано, так как устраняет редукцию гласного в заударных флексиях ед. числа. Формы *уляя, локтём, стебля* и т. п., пока бракуемые многими нормативными справочниками и относимые на счет местных языковых особенностей²⁴, широко представлены в живой речи и современной поэзии²⁵.

Учет фонетических предпосылок акцентологических изменений важен не только при историческом анализе, но и при нормативной оценке современного ударения (особенно, если принять во внимание возможность фонетической предсказуемости места ударения для некоторых групп слов). Очевидно, что структурно-морфонологический и социолингвистический аспекты, не всегда достаточные даже для синхронного описания (систематизации) ударения и его варьирования, при нормативно-историческом подходе должны быть дополнены рассмотрением объекта с фонетической и фонологической сторон.

Однако из этого не вытекает, что нормативная практика осуждена слепо следовать за всеми фонетически или фонологически оправданными акцентными изменениями. Критерий коммуникативной целесообразности не должен пониматься слишком упрощенно и утилитарно, подменяться прагматизмом. В понятие целесообразности входит и поддержка культурной традиции²⁶. Учитывая культурно-исторические ассоциации, нормативные словари вполне оправданно сохраняют «неудобные» для произношения акцентные варианты, например: *гамлетовский, послушничать* и т. п. Справедливый приговор лингвист-нормализатор может вынести лишь на основе всестороннего и объективного анализа конкретных языковых фактов

²⁴ В. Б. Чернышев считал ударение *уляя* способностью петербургского произношения («Русское ударение», СПб., 1912). Запрещение этого варианта некоторыми современными нормативными справочниками представляется необоснованным. Формы *уляя, уляём* зафиксированы у Маяковского, Безыменского, Маршака, Твардовского, Тихонова, Грибачева, Авраменко, Р. Рождественского, Смирнова и других авторитетных современных поэтов. Данные анкетирования (ЛГЭ, 1974) указывают на предпочтительность нового варианта, в контексте «Тонна улья: уляя — 167, уляя — 75.

²⁵ Современные нормативные словари отвергают ударение *локтя, локтём*. Впрочем еще у А. С. Грибоедова: «Петрушка, вечно ты с обложкой, С разодраным локтем» («Горе от ума»). Наконецное ударение *локтём, на локте* зафиксировано у Тихонова, Божова, Краснова, Г. Васильева, Вс. Рождественского, Волобуевой. Формы *стебля, стеблём* впервые даны как допустимые акцентные варианты в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка»; наконецное ударение у них зарегистрировано у Брисова, Грибачева, Яшина, Мартынова, Аквилова, Гордейчева, Михалкова.

²⁶ См.: Ф. П. Ф и л и н, Об изучении общественных функций языка, ИАН ОЛЯ, 1968, 4, стр. 284—285; В. Г. К о с т о м а р о в, А. А. Л е о н ть е в, Б. С. Ш в а р ц о в ф, Теория речевой деятельности и культура речи, в кн.: «Основы теории речевой деятельности», М., 1974, стр. 304 и др.